



ЭВОЛЮЦИЯ МОДАЛЬНОСТИ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Кунина М.Н., Кулинская С.В.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. В статье исследуется эволюция модальности долженствования в российском юридическом дискурсе на протяжении XX–XXI вв. Особое внимание уделено изменению языковых средств выражения юридических обязанностей и прав на материале корпуса русскоязычных правовых текстов за последние 100 лет. Методом корпусного анализа выявлены тенденции перехода от императивно-предписательного стиля, характерного для ранних нормативных актов, к современному акценту на декларации прав и свобод. Отмечается смещение от риторики «подданный должен» к «гражданин вправе», отражающее идеологическую трансформацию статуса личности в праве. Результаты исследования демонстрируют, как языковые изменения коррелируют с историческими переменами и формируют более читабельный и ориентированный на права стиль законодательства.

Ключевые слова: модальность долженствования, деонтическая модальность, юридический дискурс, корпусный анализ, права и обязанности. эволюция языка права.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE EVOLUTION OF THE MODALITY OF OBLIGATION IN RUSSIAN LEGAL DISCOURSE

Maria N. Kunina, Svetlana V. Kulinskaya

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. This article examines the evolution of the modality of obligation in Russian legal discourse over the 20th and 21st centuries. Particular attention is paid to changes in the linguistic means of expressing legal obligations and rights, using a corpus of Russian-language legal texts over the past 100 years. Using corpus analysis, trends in the transition from the imperative and prescriptive style characteristic of early normative acts to a modern emphasis on the declaration of rights and freedoms are identified. A shift from the rhetoric of «a subject should» to «a citizen has the right» is noted, reflecting the ideological transformation of the status of the individual in law. The results of the study demonstrate how linguistic changes correlate with historical changes and shape a more readable and rights-oriented legislative style.

Keywords: modality of obligation, deontic modality, legal discourse, corpus analysis, rights and obligations. evolution of the language of law.

Funding: Independent work.

Введение.

Модальность долженствования, или деонтическая модальность, представляет собой семантическую категорию языка, выражающую необходимость, обязанность или дозволенность действий с точки зрения правил, норм или воли говорящего. В лингвистике данная категория рассматривается как разновидность ирреальной модальности, отличная от модальности возможности или вероятности. По определению, долженствование охватывает значения долга, предписания и необходимости, налагаемые на субъекта – будь то внутренние побуждения или внешние нормативные требования.

В функционально-грамматических теориях [3] деонтическая модальность рассматривается как компонент функционально-семантического поля модальности, противопоставленный, например, алетической модальности и тесно связанный с категорией наклонения и модальными словами в языке.

Юридический дискурс традиционно характеризуется высокой степенью долженствования, поскольку правовые тексты, по своей природе, носят прескриптивный, нормативный характер.

Н.Д. Голев отмечал особый «жесткий модус» языка права, для которого доминирует предписательный императив – тексты закона требуют выражать предписания в императивной форме [4].

Иными словами, язык законодательства изобилует конструкциями, указывающими на обязанность, запрет или дозволение (типичны словоформы и клише вроде «обязан», «должен», «запрещено», «имеет право», «не вправе» и т.п.). Эти языковые средства можно рассматривать как своего рода юридические перформативы, с помощью которых сам факт произнесения (или написания) нормы порождает юридические последствия. Например, формула «X обязан Y» накладывает юридическую обязанность на X, тогда как «X вправе Z» официально закрепляет за X определенное право совершить Z.

Исторически языковые средства выражения обязанностей и прав в русском законодательстве претерпели значительные изменения, связанные с трансформацией государственной идеологии и правовой системы. Понятие «подданный» отражало статус личности как подвластного монарху субъекта, связанного прежде всего обязанностями верности и повиновения.

После революционных событий 1917 г. данная терминология была осознано пересмотрена. Как отмечает Ю.А. Боков, в ходе отказа от символики политического бесправия термин «подданный» был официально изъят из употребления, а вместо него внедрен термин «гражданин», ассоциируемый с образом юридически свободной личности, наделенной правом участвовать в политической жизни [2].

Таким образом, произошел идеологически значимый сдвиг – от подданического дискурса долга к гражданскому дискурсу прав.

Несмотря на очевидную связь языка права с общественно-политическим строем, системные исследования эволюции лексико-грамматических средств долженствования в русскоязычном юридическом дискурсе ограничены [9].

Ряд работ посвящен общетеоретическим аспектам модальности в праве, однако, комплексный диахронический анализ юридической модальности на материале корпусов текстов до сих пор не выполнялся.

Настоящее исследование заполняет этот пробел, выявляя основные тенденции изменения языковой модальности обязательности и дозволения в российских правовых текстах XX–XXI веков.

Цель исследования – проследить, как изменились языковые перформативы долженствования (например, конструкции типа «X должен Y», «X обязан Y», «X вправе Z», «X имеет право Z» и др.) в отечественном законодательном и судебном дискурсе за столетие, и какие факторы могли обусловить эти изменения.

Гипотеза исследования состоит в том, что в языке российских правовых документов произошел сдвиг от императивно-обязывающей тональности к более декларативно-правоориентированной; язык советского и особенно постсоветского законодательства, в большей степени, описывает права и возможности субъектов («вправе...»), тогда как дореволюционные и раннесоветские тексты чаще предписывали обязанности («обязан...», «должен...») [8].

Материалы и методы. Анализ проводился с использованием инструментария корпусной лингвистики [7]. Методология исследования опиралась на междисциплинарный подход – сочетание лингвистического анализа с правоведческим (учет эволюции «конфликта» понятий «подданство» и «гражданство»), изменения конституционных норм о правах и обязанностях).

Обсуждение.

Анализ корпуса подтвердил наличие значимого сдвига в языке права от риторики обязанностей к риторике прав.

В раннесоветских и тем более дореволюционных текстах преобладали конструкции, накладывающие обязанности на адресата. Классическим примером служит имперский закон, адресованный «российским подданным»: «Российские подданные обязаны платить установленные законом налоги и пошлины...». Здесь субъектом обязанности выступает подданный, а модальный предикат «обязаны» однозначно выражает долженствование (императивно-нормативное требование) [9].

В современных же нормативных актах куда чаще встречаются конструкции, закрепляющие права субъекта. Например, Конституция РФ 1993 г. провозглашает: «Каждый вправе иметь имущество в собственности...», «Каждый имеет право на охрану здоровья...» и т.д. В Гражданском кодексе РФ (ст.152), в контексте защиты чести и достоинства, говорится: «Гражданин вправе требовать в судебном порядке опровержения порочащих его честь и достоинство сведений...». Такая форма («гражданин вправе...») указывает не на обязанность, а на обеспеченную законом возможность – с точки зрения модальности — это разрешение или право.

Таким образом, словосочетания типа «вправе» или «имеет право» в текущем веке стали существенно более частотными, чем век назад, тогда как употребление слова «подданный» исчезло из законодательства практически полностью (заменено на «гражданин» или нейтральное «лицо»).

Интересно отметить, что между словами «должен» и «обязан» в юридическом стиле произошла определенная дифференциация. В дореволюционных источниках чаще встречалось именно «должен» (например, «подданный должен подчиняться законам...») – стилистика канцелярий дореволюционной эпохи).

В советский период нормативные тексты предпочли более книжное «обязан». Уже Конституция СССР 1936 г. содержала статьи вроде «Каждый гражданин СССР обязан...» (например, трудиться, защищать отечество). Это соответствовало канцелярско-официальному стилю советской эпохи.

В современном языке законов тенденция к употреблению «обязан» сохраняется. Данный глагол используется, когда необходимо указать прямое юридическое обязательство субъекта. Формы «должен» встречаются преимущественно либо в сочетании с безличными оборотами («должно быть сделано»), либо в подзаконных инструкциях, либо в речевых жанрах ближе к разговорно-деловому.

Таким образом, «обязан» стал основным маркером должностной обязанности в письменном законе, вытеснив разговорно-нейтральное «должен». При этом по частотности в корпусе юридических документов словоформа «обязан» стабильно высока во все периоды, отражая неизбежность предписаний в

праве (наличие обязанностей сохраняется в любом обществе) [7].

Однако характер этих обязанностей и их адресация со временем изменились. Если раньше преобладали формулы обязанностей гражданина перед государством, то постепенно расширилось употребление конструкций, где «обязан» относится к самим органам власти или должностным лицам. Например, современные законы пишут: «Правительство обязано обеспечить...», «Суд обязан разъяснить подсудимому его права...». Тем самым, язык законодательства стал более симметричным, он фиксирует не только обязанности рядовых граждан, но и обязательства государства и его агентов перед гражданами.

Конструкции, выражающие право, продемонстрировали существенный рост употребления, особенно со второй половины XX века.

В сталинский период акцент правовой риторики был на долге, и хотя в Конституции 1936 г. был перечень прав граждан, сами формулировки порой сочетали право с указанием на его гарантированность государством.

В позднесоветской Конституции 1977 г. список прав человека расширился, появились обороты «граждане имеют право...» в более декларативном ключе (например, «граждане СССР имеют право на образование» и пр.).

Тем не менее, слово «вправе» – как синоним «имеет право» – вплоть до 1980-х гг. употреблялось сравнительно ограниченно, в основном, в официально-деловом стиле (например, «орган вправе принять решение...»).

По данным корпуса, частотность словоформы «вправе» резко возросла в 1990–2000-е гг., что совпадает с постсоветским периодом, когда дискурс прав и свобод граждан вышел на первый план [7].

Сейчас конструкции с «вправе» стали стандартными при описании полномочий и правомочий, фиксируется коллокация «гражданин вправе» в самых различных законах (от гражданского законодательства до процессуальных кодексов). Одновременно сохраняется и стилистически более нейтральное «имеет право», часто взаимозаменяемое с «вправе». Лингвистически разницы в значении между ними нет (что подтверждается справочниками), однако, «вправе» экономнее и принадлежит высокому официальному регистру, поэтому современные законы отдают ему предпочтение.

Примечательно также появление в новейшем законодательстве большого числа конструкций с модальными словами типа «допускается», «разрешается», «не допускается». Эти безличные формы используются для формулировки разрешений и запретов без указания конкретного субъекта, например, «курение в общественных местах не допускается». Их распространение свидетельствует о стремлении законодательства к обобщенно-нормативному изложению, избегая излишней персонализации.

В дореволюционных и ранних советских текстах подобные безличные формулы встречались реже; предпочтение отдавалось активным конструкциям («никто не может...», «не допускается...» и т.п.).

Таким образом, современная норма предпочитает форму «не вправе» для запретов (например, «никто не вправе нарушать...») вместо устаревшего «не допускается». Это можно связать с общим стремлением к унификации и ясности правового стиля – избегать архаизмов и двусмысленностей.

Еще один аспект модальности долженствования – непосредственные перформативы, посредством которых устанавливаются правовые нормы [4]. Здесь наблюдается снижение эксплицитной перформативности в текстах законов.

В начале XX века монаршие указы или советские декреты часто включали глаголы типа «повелеваем», «постановляем» в тексте самого акта – как речевой акт установления правила. Например, советские нормативные акты 1920-х гг. нередко содержали оборот «Приказ Народного Комиссара: приказываю...».

В современных же законах такие формы практически не употребляются. Законодательство РФ оформляется без личных глаголов от первого лица; вместо этого, вводятся нейтральные формулы («настоящим устанавливается...», «признается утраченным силу...»). Перформативные глаголы сохранились лишь в узких жанрах, например, в судебных решениях («суд постановил»), в международных договорах («Сторона обязуется...») и отчасти в административных актах. Например, в типовом договоре фиксируется: «Настоящим Компания обязуется предоставить услуги...».

Динамика употребления слова «обязуется» в корпусе отражает рост жанра договоров и соглашений во второй половине XX века (появление множества международных договоров, экономических контрактов и т.д.) [7].

Если в 1920–30-е гг. «обязуется» встречалось преимущественно в канцелярских формулах, то к 2000-м г. оно стало широко использоваться в юридически значимых текстах (включая законодательные пояснительные записки, международно-правовые акты).

Тем не менее, на общем фоне эта частотность невысока по сравнению с модальными операторами права, обсужденными выше. Различия в жанрах юридического дискурса также влияют на модальность текста. Законодательные тексты стремятся к максимальной объективности и обезличенности; как отмечается в литературе, для них характерна «степень обобщенности, абстрактности изложения» и стандартизированность формулировок [6].

Результаты.

Результаты свидетельствуют о том, что язык российских правовых текстов претерпел существенную либерализацию в части модальности. С тече-

нием времени он все больше ориентируется на фиксацию прав и свобод, а не только на возложение обязанностей. Эта эволюция напрямую связана с историко-политическим контекстом.

Монархический строй предполагал одностороннюю связь личности и государства (индивид – подданный, обязан повиноваться верховной власти). Языком права это выражалось через преобладание императивов, обращенных «сверху вниз». Выбор лексем («подданный», «должен», «воспрещается» и т.д.) отражал идеологию подчинения.

После 1917 года, с утверждением республики и затем социалистического государства, произошла концептуальная замена подданничества гражданством. Советский период, особенно в сталинскую эпоху, однако, не устранил риторику долга – напротив, идеология коллективизма требовала от граждан множества обязанностей (трудиться, соблюдать дисциплину, защищать родину). Поэтому советские законы изобиловали формулировками типа «граждане обязаны». Одновременно декларировались и права граждан, но зачастую они подавались как «предоставляемые» государством блага, а не как неотъемлемые свободы. Лингвистически это проявлялось в громоздких конструкциях: «граждане СССР, в соответствии с интересами общества, имеют право... при условии...». Тем не менее, уже тогда законы начинали балансировать обязанности правами – например, Конституция 1977 г. включала почти равный перечень прав и обязанностей граждан.

Постсоветский этап ознаменовался кардинальной сменой парадигмы правового дискурса на гуманистическую и либерально-правовую. Концепция неотчуждаемых прав человека, ориентиры международного права привели к тому, что язык новой Конституции РФ стал «правоцентричным».

Важно подчеркнуть, что изменение языковых средств долженствования – это не просто стилистическая эволюция, но отражение изменения взаимоотношений государства и личности. Когда официальные тексты вместо «подданный должен» начинают говорить «гражданин вправе», за этим стоит новая правовая идеология. Человек рассматривается как носитель прав, а государство – как их гарант, а не только как источник обязательных повелений. Ю.А. Боков справедливо указывает на то, что отказ от термина «подданный» и переход к терминологии «гражданин» коррелирует с переходом от авторитарного режима к демократическому [2].

Конечно, некоторые особенности юридического стиля остаются неизменными. Деонтическая модальность по-прежнему составляет ядро языка права. Законы, по определению, формулируют, что должно и не должно делать. Поэтому обязательные конструкции (с «обязан», «подлежит») никуда не исчезнут. Однако их баланс и форма изменились. Если раньше закономерным было перечисление обязанностей подданных перед государством, то теперь законодатель скорее опишет обязанности государственных органов перед гражданами, а также оставшиеся

минимальные обязанности самих граждан перед обществом.

Еще один любопытный момент – влияние международно-правового дискурса. В международных конвенциях и договорах на русском языке до середины XX в. сохранялось использование слова «подданный». Но в последнее время даже переводы международных актов стараются избегать этого слова, заменяя на «гражданин» или «лицо». Это свидетельствует о глобальной тенденции унификации терминологии под республиканским углом зрения, а также о стремлении избавиться от архаизмов.

Таким образом, эволюция русского юридического языка протекала в русле общемировых процессов гуманизации права, хотя и со своей спецификой.

С точки зрения лингвистической теории, полученные данные иллюстрируют действие принципа функционально-семантического единства модальных категорий. Область долженствования и область разрешения – комплементарны; их суммарная «нагрузка» в тексте определяется коммуникативной задачей. Юридический текст всегда балансирует между необходимостью предписать поведение и описать рамки дозволенного. В разные эпохи баланс смещался. Формально можно сказать, доля деонтической модальности обязательности снизилась, доля деонтической модальности дозволения возросла. Однако с функциональной точки зрения, произошла именно перефокусировка: норма права теперь больше сообщает адресату, что ему позволено, а не только чего от него требуют [3]. Этот сдвиг повышает понятность и приемлемость правовых норм для общества, поскольку акцент на правах психологически воспринимается иначе, чем перечень обязанностей. Как пишут исследователи, понятно изложенный закон – залог его исполнения [1]. В данном случае, понятно изложить – значит в том числе сменить тон с директивного на более нейтрально-информативный.

Заключение.

Эволюция языковой модальности долженствования в российском юридическом дискурсе за последнее столетие отражает глубинные изменения в правовой культуре. Проведенный корпусный анализ показал переход от императивно-обязующей риторики дореволюционного и раннесоветского законодательства к более сбалансированному стилю, ориентированному на фиксацию прав и возможностей индивида.

Лексико-грамматические маркеры долженствования претерпели заметные изменения:

- исчезновение терминологии «подданный», внедрение универсума «гражданин»; постепенная замена оборотов «должен» на «обязан» в обязательных конструкциях;

- взрывной рост употребления «вправе / имеет право» в постсоветских текстах; выход из ак-

тивного употребления ряда архаичных формулировок («надлежит, не дозволяется») в пользу современных эквивалентов («подлежит, не вправе» и т.д.).

Все это делает язык права более понятным и соответствует духу времени, где правовая коммуникация строится на идеях прав человека и договорных отношениях между личностью и государством.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. А. В. Рашидов, С. Н. Овчинников Понятие правовых ценностей // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023. №12-4 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravovyh-tsennostey> (дата обращения: 25.02.2026). DOI: 10.24412/2500-1000-2023-12-4-145-148 EDN: JJEKXA
2. Боков Ю.А. К вопросу об использовании понятий "гражданин" и "подданный" в правовых и научных источниках // *Современные проблемы науки и образования*. - 2012. - № 5. - URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7280> (дата обращения: 26.12.2025). EDN: PKWXPJ
3. Бондарко А.В. *Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность*. - Л.: Наука, 1990. - 270 с.
4. Голев Н.Д. О специфике языка права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования // *Юрислингвистика*. - 2004. - № 5. - URL: http://lexpro.nsu.ru/jurilinguistics_2004 (дата обращения: 12.03.2014). EDN: VQHDUH
5. Киреева Е.З. Жанр как актуализатор текстовой модальности (на материале документов регионального законодательства) // *Жанры речи*. - 2018. - № 1(17). - С. 25-38. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-25-38 EDN: YVJHPK
6. Лескина С.В., Киверник Н.Ю. Коллокативные конструкции как обязательная лингвистическая составляющая юридических документов на русском и английском языках // *Социум и власть*. - 2014. - № 5. - С. 39-43. EDN: TEDWBF
7. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] - URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.02.2026).
8. Туганова С.В. Деонтическое значение модального вспомогательного слова "должен/must" в русских и английских прескриптивных юридических текстах // *Филология и культура*. - 2018. - № 4 (54). - С. 88-95. EDN: YVKKZF
9. Ханнанова Д.М. Модальные категории долженствования и необходимости в лингвистике: тождественное, различное или включаемое // *Вестник Кемеровского гос. ун-та*. - 2020. - Т. 22, № 2. - С. 558-564. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-2-558-564 EDN: PDEMRT

References:

1. A.V. Rashidov, S. N. Ovchinnikov The concept of legal values // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023. No. 12-4 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravovyh-tsennostey> (date of request: 02/25/2026). DOI: 10.24412/2500-1000-2023-12-4-145-148 EDN: JJEKXA
2. Bokov Yu.A. On the issue of using the concepts of "citizen" and "subject" in legal and scientific sources // *Modern problems of science and education*. - 2012. - No. 5. - URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7280> (date of request: 12/26/2025). EDN: PKWXPJ
3. Bondarko A.V. *Theory of functional grammar: Temporality. Modality*. - L.: Nauka, 1990. - 270 p.
4. Golev N.D. On the specifics of the language of law in the system of the national Russian language and its legal functioning // *Legal Linguistics*. - 2004. - No. 5. - URL: http://lexpro.nsu.ru/jurilinguistics_2004 (date of access: 12.03.2014). EDN: VQHDUH
5. Kireeva E.Z. Genre as an actualizer of textual modality (based on the documents of regional legislation) // *Genres of speech*. - 2018. - № 1(17). - Pp. 25-38. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-25-38 EDN: YVJHPK
6. Leskina S.V., Kivernik N.Yu. Collocative constructions as an obligatory linguistic component of legal documents in Russian and English // *Society and power*. - 2014. - No. 5. - pp. 39-43. EDN: TEDWBF
7. National corpus of the Russian language [electronic resource] - URL: <http://www.ruscorpora.ru> (date of reference: 02/10/2026).
8. Tuganova S.V. The deontic meaning of the modal auxiliary word "must" in Russian and English prescriptive legal texts // *Philology and Culture*. - 2018. - № 4 (54). - Pp. 88-95. EDN: YVKKZF
9. Hannanova D.M. Modal categories of obligation and necessity in linguistics: identical, different or included // *Bulletin of Kemerovo State University*. - 2020. - Vol. 22, No. 2. - pp. 558-564. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-2-558-564 EDN: PDEMRT

Информация об авторах:

Кунина Мария Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков Краснодарского университета МВД России, Kunina@mail.ru

Кулинская Светлана Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского и иностранных языков Краснодарского университета МВД России, Kulinskaya@mail.ru

Maria N. Kunina, PhD in Philology, Associate Professor; Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Svetlana V. Kulinskaya, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.02.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.03.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.